

Bjørnflaten, Jan Ivar

Из истории славистики в Норвегии: о переписке иностранных славистов с профессором Олафом Броком

Slavica litteraria. 2012, vol. 15, iss. Supplementum 2, pp. [61]-68

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125935>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

JAN IVAR BJØRNFLATEN

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ В НОРВЕГИИ: О ПЕРЕПИСКЕ ИНОСТРАННЫХ СЛАВИСТОВ С ПРОФЕССОРОМ ОЛАФОМ БРОКОМ

Автор настоящей статьи преследует две цели: во-первых, речь пойдет вкратце о начальном этапе славистики в Норвегии, который непосредственно связан с нашим первым профессором славянских языков, Олафом Броком; вторая цель статьи состоит в том, чтобы обратить внимание на переписку ведущих славистов с Олафом Броком в начале прошлого века. Эта объемная переписка охватывает несколько сотен, почти полтысячи писем, полученных Броком в течение его сорокалетней деятельности в университете города Осло. Эта переписка хранится в рукописном отделе Норвежской национальной библиотеки в Осло. До сих пор, однако, исследователи занимались этой перепиской совершенно поверхностно, но тем не менее, судя только по тому, что нам уже известно об этой переписке, не подлежит никакому сомнению, что более подробное изучение этого материала может пролить новый свет не только на историю норвежской славистики, но и более всего, наверное, вообще на историю славистики в Европе в начале прошлого века.

Для того, чтобы понять обстоятельства, на фоне которых происходило становление славистики в Норвегии и которые привели к тому, что норвежский парламент в 1896 принял решение об учреждении кафедры славянских языков, необходимо принять во внимание тот факт, что Норвегия является единственной атлантической страной, которая граничит с Россией. Эта географическая близость и соседство с Россией, безусловно, содействовало установлению университетской славистики в этой стране. Отмена монополии на торговлю в 1784 г. означала, что на норвежском севере было прорублено окно в Россию, и в течение ста тридцати лет, вплоть до захвата власти большевиками в 1917 году, между северными регионами России

и Северной Норвегией развивалась все более оживленная торговля – так называемая «поморская торговля». О масштабах этой торговли можно судить по числу российских судов, которые прибывали в норвежские гавани каждый год, и это только в летний сезон. В самый большой северонорвежский город, Тромсе, в последние годы перед Первой мировой войной каждый сезон прибывали почти пятьсот российских судов. Торговля такого масштаба, естественно, заложила основы для всесторонних контактов между этими двумя странами. Многие торговцы и предприниматели начали учиться русскому языку и посылали своих сыновей на учебу в город Архангельск. В летнее время ходил пассажирский пароход между Архангельском и северо-восточным городом Вадсе, по-русски – Васино.

На этом фоне совсем не случайно то, что отец первого нашего университетского слависта, Олафа Брока, был купцом и предпринимателем. Отец поощрял молодого Олафа Брока к занятиям русским языком. И уже в 1887 году двадцатилетний Олаф Брок побывал в России в первый раз. Так как в единственном норвежском университете в городе Кристиании (с 1925 г. – город Осло) в то время не было кафедры славистики или русского языка, молодой Олаф Брок занимался немецкой филологией и древненорвежским языком у видных норвежских языковедов того времени, у Sophus Bugge и у Alf Torp.

После окончания университета в Кристиании, однако, Олаф Брок отправился за границу к самым известным и знаменитым языковедам и славистам того времени. Так, в 1893 г. Олаф Брок занимался в Лейпциге у Лескина, Сиеверца и Бругмана. В следующем году он поехал в Вену к Ватрославу Ягичу. Таким образом, молодой норвежский славист рано установил плодотворные отношения с ведущими учеными в области славистики.

В первые годы своей славистической работы Олаф Брок, прежде всего, сосредоточился на фонетических исследованиях, и в Лейпциге ему было предоставлено самое современное фонетическое оборудование. Имя молодого Олафа Брока более всего связано с полевыми исследованиями по фонетике в самых разных краях славянского мира. По его собственным словам, совершенно случайные обстоятельства привели его в эту область славистики. Во время своего пребывания в Лейпциге Олаф Брок хотел познакомиться с украинским языком, чаще всего носившим в то время название «малорусский» или, по-немецки, «kleinrussisch». В связи с своим интересом к украинскому языку в Лейпциге Олаф Брок познакомился с молодым человеком, Daniel von Repaу, который был венгерским малороссом по происхож-

дению. Свои исследования языка этого своего собеседника Олаф Брок опубликовал в *Archiv f. slavische Philologie*. В обширной переписке Олафа Брока, о которой ниже пойдет речь более подробно, мы находим письмо Ватрославу Ягичу от Олафа Брока, в котором Брок спрашивает о возможностях помещения своей работы в *Archiv f. slavische Philologie*:

«Soeben beende ich einen Artikkel «Zum Kleinrussischen in Ungarn», den ich gern in «Archiv» aufgenommen sehen würde. Erlauben sie mir deshalb höflichst zu fragen, ob Sie für ihn voraussichtlich Platz haben werden. Professor Leskien, der äusserst liebenswürdig die Arbeit durgesehen hat, wird Ihnen nächstens sein Urteil darüber aussprechen»

По совету своего собеседника, Daniel von Repay, Олаф Брок решил посетить его родину. Весной 1895 года Олаф Брок занимался полевыми исследованиями на востоке Венгрии, в той части Венгрии, которая впоследствии отошла к Чехословакии под названием Podkarpatská Rus. Здесь он занимался не только собственно малорусским языком. Его интересовали и контактные зоны между словацким и восточнославянским наречием. В своей работе в полевых условиях Олаф Брок нашел применение всем своим знаниям по фонетике и своему тонкому слуху. Свои полевые исследования в Восточной Венгрии Олаф Брок опубликовал в монографии, изданной в Кристиании в 1898 году под названием *Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn*.

Но несмотря на то, что ранние работы Брока знакомы под вышеуказанными названиями, тот язык, который Брок исследовал в полевых условиях в Восточной Венгрии, является русинским языком – языком, который теперь, в наши дни, переживает возрождение, опаздывая на сто-двести лет по сравнению с другими окружающими его славянскими языками. Примечательно, что ревнители возрождения русинского языка и русинской культуры постоянно ссылаются на работы молодого Олафа Брока.

Работа Олафа Брока на востоке Венгрии произвела весьма благоприятное впечатление на Ягича и других ведущих славистов. Через Ягича Венская Академия Наук, die Balkankommission, направила Броку запрос: заинтересован ли он в исследовании диалектов Южной Сербии. Олаф Брок охотно принял это почетное приглашение, и летом и осенью 1899 года он исследовал диалекты Южной Сербии в треугольнике «Ниш – Пирот – Вранье». Результаты его исследований были опубликованы в монографии *Die Dialekte des südlichsten Serbiens*, которая вышла в Вене в 1903 году.

С этими своими крупными трудами в области славянской диалектологии Олаф Брок стал уже знаменитостью в международной славистике, и в 1902 году он получил официальное приглашение Императорской Академии Наук в Петербурге исследовать русские диалекты. В связи с этим он переписывался со многими русскими славистами и языковедами. По совету А.А. Шахматова, он решил заниматься одним южнорусским диалектом около Мосальска и одним северорусским диалектом около города Тотьмы. Эти полевые исследования впоследствии вышли в виде монографий, первая – в 1907 году в Петербурге под названием *Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда*. Вторая монография вышла с опозданием почти на 10 лет, в 1916 году, в Петрограде – *Говоры к западу от Мосальска*.

Издание второй монографии опоздало по причине того, что Брок после окончания первой монографии принял приглашение Ягича к участию в подготовке *Энциклопедии славянской филологии*. В этой известной всем славистам энциклопедии Брок опубликовал в 1910 году, вероятно, свой шедевр *Очерк физиологии славянской речи*, который был издан через год и на немецком языке у Винтера в Гейдельберге под названием *Slavische Phonetik*. Этот труд, по-настоящему фонетический и доструктуралистский, получил самые восторженные рецензии. Целый ряд ученых откликнулся на него в научных журналах и в личной переписке. Бернекер, например, пишет в письме Олафу Броку вскоре после выхода этого труда:

«Ich liebe es nicht den Mund voll zu nehmen; aber das kann ich sagen: seit ich beim Fach bin, ist Dein Buch für mich das grösste geistliche Erlebnis auf diesem Gebiet gewesen»

Это письмо Олафу Броку от Бернекера подводит нас к теме о его переписке с ведущими славистами своего времени. Бернекер является только одним из многочисленных славистов и языковедов, с которыми Олаф Брок переписывался в течение полувека. В рукописном отделе Национальной библиотеки в Осло хранится большое количество писем, которые Олаф Брок получал от славистов самых разных стран. Только от Бернекера сохранилось 20 писем. Если учитывать только тех, от кого было получено несколько писем, получается следующий список (Gallis 1967:265):

От V. Jagić	185 писем и 24 карточки
От А.А. Шахматов	116 писем
От M. Rešetar	45 писем
От Meillet	45 писем

От Н. Pedersen	45 писем
От А. Leskien	36 писем
От Е. Berneker	20 писем

От следующих славистов – отдельные письма:

Baudouin de Courtenay, Ф. Фортунатов, V. Oblak, Fr. Ramovš, M. Vasmer van Wijk, Kazimier Bugà.

Эти письма составляют большой материал. Некоторые из них довольно длинные – например, большинство из 116 писем от Шахматова. Следует, однако, иметь в виду, что в большинстве случаев эти письма читаются нелегко. Я сам нашел почерк Шахматова довольно трудным. До сих пор мало кто занимался этой перепиской. Арне Галлис издал в 1967 в журнале *Scando-Slavica* три письма от Шахматова и одно письмо от Ягича. Кроме Галлиса, Сири Свердруп Лунден занималась более подробно перепиской с Ягичем. Но несмотря на то, что до сих пор эта коллекция писем была подвергнута лишь поверхностным исследованиям, можно заключить, что она является ценнейшим источником для истории славистики, причем, как я уже подчеркнул, далеко не только для истории славистики в Норвегии, но даже более всего для славистики вообще в первой половине прошлого века. В ней мы можем найти сведения о подготовке к полевым исследованиям, обсуждение самых спорных вопросов славистики и будничные заботы о жилище для молодого ученого Христиана Станга во время его первого пребывания в Литве, как, например, в этом письме Олафу Брокю от Казимира Бугы 1924 года.

«Приезду в Литву г. Stang'a буду рад, так как всякий новый исследователь литовского языка найдет много работы. С комнатой вместе с пенсионом в Ковне будет очень трудно при невероятном жилищном кризисе. До сих пор мне не удалось получить квартиру! При Вашем личном знакомстве с Мартином Ичасом, я думаю, может рассчитывать г. Станг на кровъ при помощи Ичаса»

В этой громадной коллекции писем мы находим и чешские письма, как, например, это – от Адольфа Черного о лужицких сербах.

06.11.1920

Vážený pane profesore!

Dovoluji si Vám zaslati přiložené memorandum evropských slavistů s prosbou, abyste je laskavě podepsal. Memorandum má býti podáno Svazu národů v Ženevě na prospěch lužických Srbů. Požádal jsem pana profesora Ernesta Denise, aby se této akci postavil v čelo (jest právě v Praze).

И так далее.

Но как видно из вышеуказанного списка писем, самое большое количество принадлежит перу Ватрослава Ягича. За тридцать лет, с 1895 г. до своей смерти в 1923 г., Ягич написал Олафу Броку более двухсот писем и почтовых карточек. Только по этой переписке, наверное, можно составить целостное представление о состоянии и развитии славистики в те годы. Подробный анализ этой переписки выходит, однако, за рамки этой статьи, поэтому будет показана только пара писем и почтовых карточек.

Во время Первой мировой войны переписка состояла из почтовых карточек, наверное, из-за военной цензуры. Так как в то время Ягич не мог по переписке поддерживать контакты со своими коллегами и друзьями в России, он переписывался с ними через Брока, который жил в нейтральной, невоюющей стране и регулярно в те годы получал почту как из Австро-Венгрии, так и из России. Вот, например, почтовая карточка, написанная Шахматовым Броку о племяннике Решетара. А Решетар был, как мы знаем, зятем Ягича:

Дорогой Олаф Иванович

Сообщите Игнатию Викентевичу что последовало важное (?) ходатайство за племянника доктора Решетара. Пошлите Игнатию Викентевичу мои сердечнейшие приветы.

Ваш А. Шахматов

29 окт./12 н. 1914

Трагические события в России в 1917 году, естественно, глубоко тревожили Ватрослава Ягича. В этой почтовой карточке Олафу Броку он беспокоится о своих друзьях, коллегах и учениках в России:

Lieber Herr Professor!

Die grossen Ereignisse in Russland werden für die nächste Zeit auch ihre Beziehungen zu der bekannten Freunden wie Šach. erschweren, wenn nicht unmöglich machen. Hoffen will ich, dass ihm nichts böses widerfahren ist in jenem Wirwar der letzten Tage. Die ganze Welt ist auf die weitere Entwicklung gespannt, so natürlich auch ich, der in dem augenblicklichen Feindesland so viele treue Freunde und Schüler habe. Wenn der Verkehr auch einmal für Sie möglich sein wird – Ihr seid ja neutral! – versuchen Sie zu erfahren, ob sich unsere Bekannte alle wohl befinden. Ich denke ausser Šach. an Byčkov an der Bibliotek, an Speranskij und Ščepkin in Moskau und an Ljapunov in Odessa. Wie mag es ihnen gehen? Ob sie alle noch leben? Ob der Akademiker Istrin noch lebt?

Der schreckliche Krieg hat für einen ruhigen Mann der Wissenschaft die traurige Folge, dass man von der ganzen Welt wie abgeschnitten ist. Bei ruhiger (?) könnte alles des anderen eingerichtet werden.

Mit vielen Grüßen Ihr alter Freund V. Jagic

Следующая почтовая карточка написана 24-го декабря 1917 года, в самый канун Рождества, в дни совсем не веселые:

Heute haben wir den Weihnachtsabend, voll bester Erinnerungen aus vielen, vielen Jahren meines Lebens, angefangen von der frühesten Jugend im Elternhause, später in lieben Kreise meiner eigenen Familie, da die gute Frau die aus Ersparnissen vieler Monate zusammengebrachter Christgeschäncke mit freudig lächelndem Kerzen verteilte, der Weihnachtsbaum im Lichtschimmer glänzte und ich mit meiner heiseren Stimme da alte Lied *Narodil se je kralj nebeski* den versammelten vorsang. Das von allen aufgenommene Refrain lautete *Na tom mladom ljetu veselimo se, mladoga kralja mi molimo*. So war es einst, in friedenszeiten und so lange meine unvergessliche Lebensgefährtin unter uns war. Und nun ist alles dahin, nichts, gar nichts ist geblieben als wehmutsvolle Erinnerung an das, was niemals wiederkommen wird. Mögen wenigsten andere bessere Zeiten erleben, ich kann schon darauf verzichten. Unter anderen denke ich heute an Sie und schreibe Ihnen diese Karte; wenn sie das Ziel erreicht, möge sie Ihnen und allen lieben Ihrigen meinen herzlichsten innigsten Glückwunsch übermittln. Gott soll geben, das wenigsten 1918 der toll gewordenen Menschheit den ersehnten Frieden bringt. Ich denke dabei über Ihre Heimat hinweg auch nach dem weiten Osten, wo so viele lieben Menschen leben, denen ich heute mir in *blagovoljenije* zurufen möchte.

Ihr alter Freund V.J.

После Первой мировой войны переписка продолжается в виде обычных писем, в которых Ягич касается самых разных тем, в том числе и своих будничных проблем. Последнее письмо Броку написано незадолго до его смерти. Среди писем Ягича я даже нашел письмо снохи Ягича, Еллы Ягич, которая пишет Олафу Броку после смерти Ягича, наверное, в ответ на письмо-соболезнование, полученное от Брока. Вот текст этого письма:

Sehr geehrter Herr Professor!

Zunächst bitte auch unser innigste Beileid entgegen zu nehmen, sowie wir vielmals danken für Ihre lieben Zeilen.

Nun ist der grosse Mann doch von uns gegangen, dachte ich doch, es würde mir noch lange gegönnt sein für ihn zu sorgen. Er war bis zu seiner Erkrankung so rüstig und geistig frisch, was Sie Herr Professor ja selbst aus seinen Briefen wissen werden. Die erste Zeit seiner Erkrankung litt er schrecklich an Beklemmun-

gen, dann kam der geistige Verfall dass war wieder für uns so furchtbar bis er dann immer schwächer wurde, und dann ruhig einschlief. Gott lass ihn ruhen. Ich selbst liebte ihn sehr, war er doch ein Schwiegervater wie man ihn selten findet. Die letzten zwei Jahre war er sehr glücklich. Luia und ich sorgten für ihn sogut es ging, auch ging es ihm finanziell besser, so dass er sich mehr gönnen konnte. Und was mich beruhigte ist dass das Sichtung nicht so lange dauerte als es die Ärzte vermutheten. Er hatte nebst Lungenentzündung eben eine sehr starke Verkalkung. Mein Mann ist auf einer Studienreise in der Schweiz er lässt Sie vielmals grüssen und danken.

Mit besten Grüßen von mir und Luia
Ihre Ella Jagic

На этом автор заканчивает свою статью в надежде, что ему удалось обратить внимание на то сокровище для истории славистики, которое хранится в Национальной библиотеке в Осло и ждет своих исследователей.

Литература

- A Centenary of Slavonic Studies in Norway*. The Olaf Broch Symposium. Eds. Eds. Jan Ivar Bjørnflaten, Geir Kjetsaa, Terje Mathiassen. The Norwegian Academy of Science and Letters. Oslo 1998.
- Bjørnflaten, j.i., 1996, «Jazykovedčeskaja rusistika v Norvegii», *Russian Linguistics*, Volume 20, 1, pp.15-23.
- Egeberg, E., Gallis, A., 1982, *Slavistikkens historie i Norge. En oversikt*. Meddelelser, Nr. 30, Slavisk-baltisk institutt, universitetet i Oslo.
- Egeberg, E., 1998, «General Trends in Norwegian Slavonic Studies». In: *A Centenary of Slavonic Studies in Norway*.
- Gallis, A., 1961, «Professor Olaf Broch zum Gedächtnis (1867–1961)». *Scando-Slavica*. Tomus VII.
- Gallis, A., 1967, «1867 – Olaf Broch – 1967». *Scando-Slavica*. Tomus XIII.
- Lunden, S.S., «Vatroslav Jagic's letters to Olaf Broch», *Jagicev Zbornik*.
- Lunden, S.S., 1998, «Jagic's letters to Olaf Broch», In: *A Centenary of Slavic Studies in Norway*.
- Lunden, S.S., 1985, «Olaf Broch og Vatroslav Jagic». Meddelande från Stiftelsen för Åbos Akademis forskningsinstitut nr 102 X Nordiska Slavistmöte, föredrag.